

Валентина Батищева

НАСТАСЬЯ

Приключенческий роман

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Б28

Б28 **Батищева В.**
Настасья: Приключенческий роман / Валентина Батищева – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 194 с.

ISBN 978-5-521-89848-0

Я – Ася, дочь сапожника с острова мастеров. Мой счастливый мир рухнул, когда корабль, на котором брат подался на материк, захватили пираты, отец умер, а мама сошла с ума. Ещё и алчный до моего наследства сосед насильно пытался взять меня женой своему слабоумному сыну. Спасибо Сияну, капитану шхуны "Марелла", что пожалел и заключил со мной фиктивный брак, уговорив жреца.

А через год он признался мне в любви, только я, как мне казалось, любила другого. И только тогда поняла, как мне был дорог Сиян, когда он спас меня, а шхуна и вся команда достались пиратам.

Я готова пройти половину чужой страны, служить не своей королеве, отказаться от своего имени, чтобы спасти тебя, мой муж, мой Сиян...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89848-0

© В. Батищева, 2025

Оглавление

Глава первая. Детство	5
Глава вторая. Детство кончилось.....	17
Глава третья. Побег	28
Глава четвёртая. Море.....	41
Глава пятая. Андарея	57
Глава шестая. Столица.....	71
Глава седьмая. Интриги.....	84
Глава восьмая. Бал и его последствия	98
Глава девятая. Опять море.....	112
Глава десятая. Поиски.....	125
Глава одиннадцатая. Поединок.....	139
Глава двенадцатая. Погоня	151
Глава тринадцатая. Сражение	164
Глава четырнадцатая. Дома.....	182
Эпилог.....	193

Глава первая. Детство

— А я хочу шить качественные сапоги из дорогих материалов, и чтоб вышивка разная по голенищу! — я слышала, как Вик начал заводитьсь.

— Тогда и изготавливать ты их будешь дольше, и цена у них будет не менее пятисот злотых, — это уже кричал отец.

Нет, отец у нас хороший, мастер, каких поискать, но как заведётся — прячесь, кто может! Даже мать не подходит, молчит пока, выжидает. А как только с отца схлынет, тут-то она ему и выкатит тираду на два дня.

Только в этот раз, похоже, дело — дрянь. Третий день орут. Я-то, по началу, не слушала, кошку в подмышку и тикать, под лестницей на старом кресле притаилась. Потом закрутилась, матери помогала по хозяйству, да ходили юфть с ней принесли из мастерской от Ставра, где её дубили из свиной кожи.

Отец сапоги из неё шил, их все портовые у него покупали. Как брат подрос, стал отцу пособлять, выучился, хвалить его работу стали, так и чудить начал — то сафьяновые сапожки тьеррам шьёт, то серебряной нитью разжился и по мужским орнамент пустил по голенищу.

Отец по началу сквозь пальцы смотрел, да в усы посмеивался — Вик зимними вечерами вместо отдыха этим занимался. А как стал замечать, что Вик и днями, вместо простых трёх пар пятизлотных сапог за это время одну добротную пару успевает — так разъярился и на Вика «собак спустил». Потому как сафьяновые так и стояли вторую седмицу в лавке, а двое других, что с серебряной вышивкой по голенищу, третью, в то время как отцовы пятизлотные на заказ шились.

Уходит судно в море с товаром, отцу заказ всей командой оставляют, возвращаются — забирают, злотыми с навару платят. Очередь у портовых строгая, если кто во время шторма потерял или ещё как испортил — место в очереди за плату с кем-то меняет.

Есть, конечно, ещё сапожник на берегу, но к нему очередь не стоит. Судов много, матросов — ещё больше, работы всем хватает, да только у отца Вик в подмастерьях, да пара соседских мальчи-

шек – принеси-подай. Вдвоём-то с Виком отец быстрее, чем другой мастер, Стат, срабатывают, да много качественней. У Стата сын тоже есть – страшный, дурной, прыщавый, ещё и слабоумный. Жена у Стата померла прошлой зимой, так сын его, Васька, теперь ещё патлатый и грязный, в порту шарится. Жалеют моряки, еды дают, а иной раз скрутят и в воду кинут, потому как воняет от дурака. А тепереча и у нашего отца, почитай, помощника нету – Вик дурит, кожу переводит, когда заказ третьего дня забрать должны, а там ещё пять пар не готово.

– Кому ты их продавать будешь, дурень? – разорялся по десятому кругу отец.

– А пусть капитан какой надевает, когда на берег спускается, там тьерры богатые увидят, спросят: «Кто такую красоту шил?», а капитан и ответит: «Умелец наш, Вик, Тита усатого сын, что в порту Южном сапоги из кожи свиной да телячьей шьёт, могу вам для тьерры вашей готовые предложить.»

– Сказки. Ни один капитан не возьмётся, ни к чему им это. Да и долго. Они седмицами по морю идут, в порту сошли, товар там же, на другое судно перегрузили или дальше с перекупщиками отправили, в кабаке напились до зелёных чертей и сапоги с них там твои снимут и не спросят, кто шил – с Южного берега кто, али с Северного.

Так что, пока в моём доме живёшь, будешь делать, что я велю! А велю я тебе – не чудить и шить обычные моряцкие пятизлотные.

– Так и не стану тогда в твоём доме жить! Уйду!

– Да и поди, с Васькой вместе в порту попрошайничать будешь, вспомнишь отцовы харчи!

Хлопнула дверь, в доме наступила тишина. Она густым киселем свалилась на уши, я подумала, что оглохла.

– Титушка, как же это? – запричитала мать, выскочив из кухни.

– Ничего, оголодает – явится, – отрезал отец.

Я сжалась под лестницей, давясь солёными слезами.

Вик ночевать не пришёл.

Утром мать, не поднимая красных от слёз глаз, тихонько сунула мне в заплечную сумку замотанную в плотную бумагу вчерашнюю

лепёшку, несколько пирожков с зелёным луком и яйцом, бутыл с молоком, да кусок копчёного окорока.

– Снеси брату. На берегу поищи, мож, под дедовой лодкой спал.

А я чего? Я быстро! Вик хороший, любит меня, балует, всегда какой гостинец мне снесёт, сам не съест. Это я считаюсь мелкой в семье, так-то мне уже пятнадцатая весна минула, следующей весной сваты начнут ходить. Только отец строго сказал: не отдам, пока не дорастёт! Не знаю когда это его «дорастёт» случится, но по мне – пусть подольше не случается. Нет среди тех, кого я знаю, того, кого с собой у алтаря бы представила.

Леонид, Карла, столяра сын, безрукий – отец так сказал. Сын Варнавы – бестолочь, Акулька Сивов – увалень безглазый. Чужого не надо, увезёт за три моря – страшно. А нам надо чтоб помощник в семью, отцу продолжатель. Вот вся надежда у отца на брата моего была, на Вика, а Вик вон чего... неслух.

Я выбралась на рыбачий берег, где на столбах сушились растянутые сети, заткнула длинные юбки за пояс, чтоб по песку бежать не мешали и пошла до дедовой старой лодки. Солнце ещё не вошло в силу, не поднялось, но палило, жадные чайки с криками носились над волной.

– Вик, ты здесь? – крикнула издали.

Лодка качнулась и из-под неё показалась голова брата.

– Тута я. Подь сюды.

Вик вылез из-под лодки, шагнул ко мне, притянув к себе, обнял.

– Вик, мож, домой, а?

– Не, Аська, тогда окажется, что я отцу уступил.

– Так ты и уступи! Отец, он же плохого не скажет.

– Мала ты ещё, Аська, не понимаешь, – он щёлкнул меня по носу, я скривилась, – шире думать надо, а он в одно уткнулся, оглянуться не хочет.

– И что делать будешь? И дальше под лодкой ночевать?

– Уеду я, Ась, вот с каким-нибудь судном и уйду.

– Как это уйду, Вик? – удивилась я. – Ведь тут наш дом, мама, отец.

– Мир, он большой, ты знаешь? Помнишь, в книге, что на ярмарке купили, я тебе показывал, где мы живём? Южный берег. И ниже

его крохотная точка – наш остров, тоже Южный называется. Так, только на этом материке четыре берега. И там таких городков как наш – тьма. А посреди материка – столица.

– Это где король с королевой живут, я знаю.

– Да, Аська, а ещё много и городов, и селений. Мало ли, где сапожник нужен. Может, я в столицу подамся, а, Ась? Приду к самому королю, скажу:

– Ваше Величество, а хотите, я вам сапоги сошью?

Из сафьяна или хоть из шёлка.

– Из шёлка, – прыснула я. – Скажешь тоже!

– Или королеве перчатки разные, к каждому платью свою пару.

– Сумасшедший! – смеялась я. – Зачем королеве твои перчатки, у неё, поди, заграничных сапожников куча?

– Глупая, тьеррам и перчатки нужны, и корсеты, и туфельки для балов, и сапожки для охоты. Там всем работы хватит. Решено! Ко двору и подамся!

Я смеялась, держась за живот, как Вик изображал придворные манерные танцы, кривляясь лицом.

– Иди ешь, королевский сапожник, вон, живот к спине прилип.

Вик принялся жевать мясо, закусывая пирожком.

– Мама – чего, плакала? – Да. Не спала, наверное.

– А отец?

– Я его не видела с утра. Мама к тебе послала. Мож, тебе принести чего? Одеяло или одежду?

– Принеси. И сапоги, что я шил, принеси. В них и пойду в море.

– Так, ты не шутил, что уедешь?

– Нет, Аська. Морем дойду до порта на Алаидане. Там от берега с почтовыми доберусь или с обозом. Наймусь где-нибудь. Да ты не плачь, не так всё страшно!

– Ага, не плачь, это на словах всё легко, а так – страшно! Вон, «Немой» ушёл в море и не вернулся – ни слуху, ни духу. У отца сорок пар остались невыкупленные, сам знаешь.

– Да, и предоплату взяли – не продашь и не знаешь: вернуться, нет ли. – Вик нахмурился. – Ладно, беги, Ась, маму успокой. Сапоги не забудь принести.

Я вернулась домой и вышла, будто из сарая. Мама кивнула головой, что я правильно сделала.

– Аська, горе луковое, где носит тебя, чертовка?!

– Крикнул отец.

– Так это... курям воды давала, – выкрутилась я.

По глазам видела – отец не поверил. Взгляд мой искал, понять, что с Виком нормально всё. Не спросил. Гордый. Ну и я не скажу.

На вечерней заре, пока отец ужинал, я из лавки одни сапоги братовы и умыкнула. И сафьяновые тоже – чего без надобности стоят? Так хоть Вик, может, и продаст. Одни оставила, чтобы сразу отец не спохватился о пропаже.

В одеяло их сложила и одежду Вика, и поесть собрала, в окно выкинула и сама вылезла. По-за домами побежала к берегу. Вдруг кто-то ухватил за подол и раздались странные звуки, похожие на хрюканье свиньи. Я так испугалась! Повернулась, ни жива, ни мертва, а там Васька! Стоит, ржёт, гнилые зубы видно, рыбой сырой от него воняет, да тиной.

– А не пущу! – и скалится.

– Василь, миленький, меня братец ждёт, отпусти, а? – мне орать на него хотелось, но я знала, что он тогда злой становился и ударить мог.

– Поцелуешь, отпущу, – ещё крепче сжал подол юбки дурачок.

– Мне сейчас некогда, брат заругает, что опоздала, я потом, ладно?

– А не обманешь?

– Не обману. Потом, потом, Вась, отпускай, бежать надо.

Василь отпустил подол, и я припустила, только пятки сверкали.

Утром, когда мы с мамой пошли за очередным рулоном юфти к Ставрe в мастерскую, нам встретились Стат с Васькой. Тот, при виде меня закричал, указывая грязным пальцем в мою сторону:

– Вот эту девочку хочу, папаня! Она меня поцеловать обещала!

Меня передёрнуло, я глянула жалостливо на маму.

Стат, щуря свои водянистые глазки и мерзко улыбаясь, обратился к ней:

– Ну что, соседка, жди сватов, раз дети наши сладили. Я рад буду объединить мастерские. Вы же лавку в приданое за дочкой отдадите?

– Мала она ещё для сватов, Стат. Всего пятнадцать вёсен минуло.
– Варвара, тебя, помнится, и четырнадцати не было, просватали.
– Ты знаешь – почему, Стат. И не будем об этом. Аська мала ещё, в голове у неё куклы да салки. – Пошли, – дёрнула она меня.

Мы дошли до угла мастерской Ставра, завернули, и мама прижалась спиной к нагретой солнцем стене. Как-то вздохнула вся, ссутулилась.

– Этого нам только не хватало. Что у тебя там с Васькой?

– Да, мам! Он меня за подол ухватил в сумерках вчера, когда я Вику узел тащила, не отпускал, целовать заставлял. Я и сказала, что потом поцелую. Думала, забудет дурак, отвяжется.

– Забудет, как же... Мы с отцом твоим друг другу нравились, а Стат подслушал нас, как мы на берегу мечтали, что вырастем и поженимся, да и позавидовал. Не полюбил, а просто позавидовал, понимаешь? Сватов прислал, отец мой отказал. Так отец Стата моего отца подкараулил, матросам заплатил, они ему бутылку медовухи в горло влили, да и утопили в кадushке, потом в море выкинули, будто утоп – пьяный ночью в море вышел.

Это уже мне один моряк спустя время сознался. Он к нам в лавку много вёсен навещается, совестно стало, да и рассказал. Хорошо, отец Тита, дед твой, меня с матерью под своё имя взял. Старшие сёстры уж замужем были, их имя мужа покрывало. Раньше положенного срока замуж отдал за отца твоего, чтобы Стат претензий на меня более не имел. А как минуло шестнадцать вёсен, тогда я к Титу под крышу и переехала. А на следующую весну и Вик родился. А Стат так и ходит, злостью пышет, что ему не досталось наследство моё – дом этот, где лавка наша. Он, как раз, в порту первым стоит, к нам вперёд на заказ моряки идут. Раньше мать моя хлеб да пироги знатные пекла с рыбой, что отец в море добывал, тут торговали. А как мы с твоим отцом сюда переехали, обувью отец занялся, так и совсем Стат голову от злости потерял. Тоже обувь шить начал. Злой он, на жене злость срывал, загубил он ее. И Васька таким уродился, что беременную за волосы в погреб скинул. И остальных детишек выносить не могла – в живот бил.

Так что, не надейся – сватов первым прийдёт, не успокоится.